

— Когда с Фан Цин произошёл тот инцидент, вы ещё работали с ней в одной компании? — спросил Чжань Чжао у Цзян Нань. — Вы участвовали в той благотворительной распродаже?

Цзян Нань ответила, что не участвовала, так как в то время была за границей, и вместо неё пошёл её менеджер.

— Однако, — добавила Цзян Нань, будучи человеком наблюдательным, — перед тем инцидентом Фан Цин вела себя явно странно.

— В плане вкуса она изменилась? Или, как Ван Мэйюнь, её характер претерпел изменения? — поинтересовался Чжань Чжао.

Цзян Нань с интересом спросила:

— Скажите, вы же эксперт в этой области, ответьте мне на вопрос: может ли вкус человека внезапно измениться?

— Вкус? — удивился Чжань Чжао. — Расскажите подробнее.

— Я помню один случай. Мы с Фан Цин вместе участвовали в рождественской вечеринке компании. Тогда все пили грог, а Фан Цин сказала, что терпеть не может запаха яиц, он кажется ей прогорклым. Поэтому она никогда не ела яиц.

Чжань Чжао заинтересовался:

— И что же было дальше?

— А потом, незадолго до того инцидента, мы случайно остановились в одном отеле. За завтраком я заметила, что она ест яйца всмятку. Я не стала задавать лишних вопросов, но это показалось мне странным. Этот случай я запомнила.

— Может, она просто говорила, что не ест яиц, чтобы не выделяться? — предположил Чжань Чжао.

— Нет, — подтвердила Ли Линьлинь. — Сестра Фан Цин действительно не ела яиц!

Бай Юйтан, который всю дорогу молчал за рулём и слушал, подумал, что дело действительно не простое. Характер, вкусы, стиль одежды и даже пищевые привычки могли измениться так резко? Неужели всё это из-за одной картины? Тогда эта картина и вправду слишком загадочна.

...

Вилла, где жила Ван Мэйюнь, находилась в довольно уединённом месте, а управление жилым комплексом было строгим, поэтому у ворот собралось лишь несколько журналистов.

Ли Линьлинь, хорошо знакомая с местностью, указала Бай Юйтану путь, чтобы избежать встречи с прессой, и они благополучно добрались до виллы.

Мама Ван Мэйюнь уже ждала их у входа.

Они вышли из машины, обменялись несколькими словами и вошли в дом.

Мама Ван выглядела крайне измождённой.

Поскольку в телефонном разговоре она упоминала, что хочет рассказать полиции кое-что важное, Чжань Чжао спросил её, что именно.

— Мэйюнь ранее вступила в странный клуб, — начала мама Ван.

— Клуб?

— Да! Клуб был создан от имени художника той самой картины. Чтобы стать членом, нужно было иметь одну из его картин. С тех пор как Мэйюнь вступила в этот клуб, она начала меняться...

Мама Ван рассказала, что у дочери возникли серьёзные проблемы в общении. Она практически перестала общаться с прежними друзьями, зато стала проводить время с какими-то странными «членами клуба». Однажды она даже видела, как к ним домой приходил мужчина с очень странной улыбкой.

— Странная улыбка...

Чжань Чжао достал телефон, показал фотографию убийцы, задержанного в отеле, и спросил:

— Это он?

— Да, это он! — кивнула мама Ван, добавив, что Мэйюнь называла его «посланником».

— Посланник? — Бай Юйтан не понял: это было имя или титул?

Чжань Чжао подробнее расспросил о клубе, но мама Ван знала мало, а Ли Линьлинь и вовсе ничего не слышала об этом.

Войдя в комнату, Чжань Чжао сразу направился к картине, висевшей на стене в гостиной.

Бай Юйтан последовал за ним и, стоя перед картиной, начал её «изучать».

Не знаю, было ли это связано с тем, что он уже видел фотографию картины и был психологически готов, или из-за освещения, но Бай Юйтан почувствовал, что картина не выглядит такой «жуткой», как при первом взгляде.

Чжань Чжао, казалось, тоже испытывал некоторое «разочарование». Он нахмурился, сделал несколько шагов в сторону, словно пытаясь рассмотреть её под другим углом.

Понаблюдав за картиной некоторое время, он достал планшет, открыл фотографию, сохранённую с телефона Ли Линьлинь, и сравнил её с картиной на стене.

Бай Юйтан взглянул на планшет и тоже нахмурился — почему на экране картина всё ещё вызывала чувство дискомфорта и отвращения?

Чжань Чжао долго смотрел на экран, а затем, покачав головой, пробормотал:

— Не то!

— Не то? — удивился Бай Юйтан.

Цзян Нань и Ли Линьлинь тоже были озадачены, но мама Ван, похоже, не удивилась.

— Это не та картина! — указал Чжань Чжао на картину на стене, а затем на фотографию на планшете. — Она отличается от той, что на фото!

Цзян Нань и Ли Линьлинь переглянулись, а затем посмотрели на маму Ван.

— Я так и думала... — пробормотала мама Ван.

— Вы так и думали? — спросили Чжань Чжао и Бай Юйтан. — Что вы имеете в виду?

— Я уже заходила сюда раньше, — объяснила мама Ван. — Тогда я тоже заметила, что картина выглядит как-то иначе, и ещё...

Она указала на диван в гостиной:

— Мне показалось, что диван сдвинули с места.

Бай Юйтан присел, чтобы лучше рассмотреть ковёр, и действительно, следы от дивана на ковре были смещены.

Чжань Чжао и Бай Юйтан переглянулись — кто-то проник в дом и заменил картину? Но зачем тогда двигать диван?

Бай Юйтан отодвинул диван и приподнял ковёр... Под ним оказался встроенный сейф.

Ли Линьлинь и мама Ван с удивлением смотрели на сейф, явно не зная, когда он там появился.

Сейф был специального размера и требовал ввода пароля...

Чжань Чжао спросил, знают ли они пароль.

Ли Линьлинь сказала, что Ван Мэйюнь всегда использовала один и тот же пароль, но не уверена, подойдёт ли он.

Чжань Чжао попросил её назвать пароль.

Ли Линьлинь назвала шестизначный код, но он не подошёл.

Бай Юйтан посмотрел на Чжань Чжао.

Чжань Чжао подумал, добавил к паролю ноль и снова ввёл код, но безрезультатно.

Затем он добавил два нуля, но снова ничего не произошло.

Когда все уже начали терять терпение, Чжань Чжао спокойно добавил три нуля, и раздался электронный звук — сейф открылся.

Цзян Нань снова была шокирована, а Бай Юйтан с недоумением смотрел на Чжань Чжао — как он догадался, что нужно добавлять нули?

Чжань Чжао пожал плечами:

— Характер может измениться, вкус может измениться, но есть одна вещь, которая никогда не меняется — интеллект!

Бай Юйтан покачал головой, не стал углубляться в рассуждения Чжань Чжао и открыл дверцу сейфа.

Сейф был неглубоким, и внутри, судя по всему, могло быть немного вещей, вероятно, для хранения важных документов... Но когда он открылся, внутри оказалось пусто.

Бай Юйтан нахмурился — похоже, там что-то было, но это что-то забрали.

Чжань Чжао цокнул языком, встал и спросил маму Ван:

— В каких ещё комнатах у Ван Мэйюнь висят картины?

Мама Ван провела их.

Чжань Чжао осмотрел все комнаты — спальню, гостиную, кабинет... У Ван Мэйюнь было ещё три картины «Цветочной лозы J».

Но после осмотра Чжань Чжао с сожалением вздохнул:

— Скорее всего, они тоже поддельные. Возможно, это копии, или их тоже подменили.

Бай Юйтан тоже почувствовал, что эти картины, если смотреть на них вместе, не вызывают того жуткого ощущения, которое было на фотографии оригинала.

В этот момент у Бай Юйтана зазвонил телефон.

Он ответил и услышал взволнованный голос Цзян Пина:

— Шеф! Срочно включите телевизор!

Чжань Чжао и Бай Юйтан с большими надеждами прибыли в дом Ван Мэйюнь, чтобы увидеть ту самую картину, которая могла изменить человека.

Но оказалось, что все картины «Цветочной лозы J» в её доме были подменены.

Кроме того, под полом в её доме обнаружили сейф, о существовании которого даже близкие люди не знали, но он оказался пуст.

Это разочаровало Чжань Чжао и Бай Юйтана, но также заставило их понять, что это не простое убийство.

Жилой комплекс, где проживала Ван Мэйюнь, был хорошо охраняемым, и проникнуть туда незаметно было непросто.

Кроме того, три картины в доме не были украдены, а заменены подделками, которые висели на своих местах.

Содержание картин не выдавало подделку, только интуитивно можно было почувствовать, что

что-то не так.

<http://bllate.org/book/15096/1333666>